

ГЛАВА 1, в которой я наряжаюсь невестой и странствую по карнозам

У-у, не могу больше! Лапы коченеют, нос ледышкой стал, ушей не чую. Ветер сечет розгами, от шубы толку нет. Вот тебе и дар богини... Снежа, где ты? Мы же договорились! Неужели дашь мне сгинуть, не исполнив обета?..

В ночи выло и мело, мелькали белые тени, раздавались голоса. Но я старалась не видеть, не слушать. Думать о чем угодно, только не о том, что путь мой далек, а кругом ни жилья, ни дороги, одна снежная пустошь, и в этой пустоши глухой замерзает кошка...

Нельзя сдаваться. Боги помогают тем, кто не теряет веры. Если выживу, напишу роман о своих злоключениях. И начну, пожалуй, так...

Алое платье, фата, венчальные браслеты, лепестки роз на ступенях храма... Ненавижу!

Ненавижу свадьбы.

У нас в Свяянске они случаются каждый день. По улицам мчат счастливые кортежи, ликует толпа, звенят бокалы, летят в воздух букеты, невесты плачут от радости... И ни сбежать

≈ Кира Калинина ≈

от этого безобразия, ни спрятаться. Ведь моя мама — главная законодательница свадебных мод в нашем городке!

То есть как — законодательница? Фасоны она берет из столичных журналов. Но переиначивает на свой лад таким образом, что никто и толики сходства не заподозрит.

У нас полгорода на свадьбы работает. Повара жарят в между молочных поросят, запекают гусей с яблоками и томят в горшках рыбное филе с молоком. Кондитеры возводят сладкие замки высотой в человеческий рост. Каретных дел мастера украшают экипажи так затейливо, что, кажется, по улицам плывут каравеллы на колесах и едут сказочные дворцы. У цветочников на прилавках круглый год красуются лилии и фиалки из магических теплиц. Музыканты день и ночь играют свадебные танцы, художники пишут портреты молодоженов, граверы множат копии на подарки родне и друзьям. Недавно из Альготы прикатили два искусника с новомодной диковиной — фотографическим аппаратом, который рисует светом на магически обработанной бумаге. Какая же у них с граверами война началась!..

А все потому, что в нашем городе случился второй по величине храм Свена и Свяны — божественной четы, ведающей делами любви и брака. Первый, само собой, в Альготе, но наш слышит древнейшим. Будто бы в незапамятные времена боги отметили Свяенск особой милостью — и теперь все кому не лень стремятся к этой милости припасть.

Едут даже из соседних стран: кто о сокровенном просить, кто свадьбу играть, а кто и посмеяться. В Вайноре за любовь отвечает богиня Мага, в Эйлане — бог Виш, и чужеземцам странно, что у нас, ригонцев, не нашлось божества, способного управиться с сердечными делами в одиночку. Как будто сами не знают, что для любви нужны двое!

Свен и Свяна велят, чтобы девушка шла к алтарю в красном, и чем богаче наряд, чем длиннее шлейф венчального платья, тем счастливее будет ее супружеская жизнь. Мы с Майрой, это моя сестра, помогаем маме радовать невест и вводить в расходы их родителей или женихов — смотря кто

≈ Кошка Белого Графа ≈

платит. Майра сама мечтает однажды надеть алое. А я... Я все равно никогда замуж не выйду. «Почему?» — спросите вы. А потому что!

И невестам не завидую ни капельки, особенно богатым. Среди них, по-моему, несчастных больше всего. Бедные входят в храмовый Лабиринт по любви или ради лучшей жизни. У богатых жизнь без того хороша, но выбора им все равно не дают — иди, за кого велено, и не спорь!

Вот из-за такой несчастной невесты и начались все мои беды.

За окном стояла темень, мороз заплетал стекла белым кружевом, ветер гудел в дымоходе. Свет масляных ламп переливался на красных шелках. Магический лучезар у нас один, и в мастерскую мы его переносим только после закрытия. А пока стоит в приемном зале — вдруг кто заглянет на огонек?

Зима нынче выдалась на редкость студеная и выюжная, будто за что-то прогневалась на людей. Санные пути и те заносит, по железной дороге полтора месяца движения нет. Оттого гостей в Свяенске поубавилось. Тем вечером к нам в ателье вовсе никто не заходил, и мы занялись заказом вдовы Кнот втрем.

Майра грохотала ножной машинкой братьев Меррит, подшивая шлейф — бесконечный, как зимние ночи. Мама возилась с фатой. Я прикрепляла к лифу розочки из шелка эксельсиора — в сердцевине каждой сшиты в пучок по пять крохотных золотых бусин.

Мне нравилось мастерить мелкие украшения. Но сейчас я на эти розочки смотреть не могла. Шутка ли — сто шестьдесят пять одинаковых цветков за три дня!

Госпожа Кнот, перенявшая у покойного мужа хлебную торговлю, и дело вела с размахом, и, выдавая замуж единственную дочь, скупиться не стала. На платье, заказанное нам, одного шелкового крепа пламенно-алого тона сорок

≈ Кира Калинина ≈

аршин пошло. Это не считая самого дорогого бархата, багряно-золотой камки, парчи, воздушной дымки-кристалла, четырех видов кружева, красного тантальского жемчуга и ста аршин золотой нити.

— Еще пара таких заказов, — сказала мама, нашивая на кайму фаты одно жемчужное зернышко за другим, — глядишь, и убытки покроем.

— Да уж, зима в этом году! — Грохот стих. Майра убрала ногу с педали, радуясь возможности передохнуть. — Сплошное разорение, а не зима. И куда Белый Граф смотрит? Совсем разленился!

— Он один, страна большая, везде не поспеть, — мама не поднимала глаз от шитья.

— Раньше-то поспевал.

— Раньше и зимы мягче были. А с этой, видно, не совладать. — Жемчужины в маминых пальцах мерцали, как угольки, невесомая дымка струилась утренней зарей. — Стихия сильнее человека, что ни говори.

Они с Майрой похожи, как и подобает матери и дочери. Не то что я — будто кукушонок в чужом гнезде. Обе небылокие, белокожие, темноволосые, с глазами серыми, как море в шторм. Истинные ригонки. Но мама красивее, хотя ей пятьдесят, а Майре двадцать. Когда улыбается, и вовсе глаз не отведешь. Жаль, улыбается мама только заказчикам.

Но иногда ее можно рассмешить.

— Белый Граф, — сказала я, — королевской невесте пути расчищает. Не до прочего ему!

У Майры заблестели глаза:

— Вот бы она к нам завернула! А что? Будущая королева Ригонии обязана читать наших богов. Свену и Свяне перед свадьбой поклониться — святое дело. Подумаешь, крюк! Она же, небось, через Лейр поедет? Оттуда до Свяенска всего-то пятьдесят миль.

— Сущая мелочь! — подхватила я. — А из храма — прямиком в ателье госпожи Эльс. Где еще королеве платье шить?

Мы дружно засмеялись.

≈ Кошка Белого Графа ≈

В этот момент в приемном зале брякнул колокольчик.

— Карин, — сказала мама.

Будто я не помню, что сегодня моя очередь встречать заказчиков!

Скинула рабочий халат и поспешила в зал, на ходу обиная с себя нитки. Если занимаешься шитьем, нитки будут повсюду и всегда — сколько ни осторожничай. Маме с Майрой проще, у них наготове длинные расшитые жилеты на удобной застежке. Если понадобится, вмиг набросят и выйдут. Моя же доля нынче иная.

В зале у нас все устроено, как в столичных салонах: манекены из воска в самых роскошных платьях, на полках лучшие ткани, под окном мягкие диваны. Не стыдно перед клиентами, даже самыми богатыми и требовательными.

А именно такие к нам и пожаловали.

Барышня, румяная с мороза, в белом горностае, господин — в соболях, шуба до пят крыта черным кастором, в меховых рукавицах трость, сам грузный, солидный, лицо тяжелое.

Она — сразу к платьям. Он смахнул с бородки иней, потопал сапогами, оббивая снег — для кого скребок у крыльца поставлен да веник положен? — и приготовился скучать. А тут я. Господин сейчас же ожил и прилип ко мне взглядом. В дежурные дни я тоже манекеном служу. Вернее, куклой.

В Альготе куклы в большой моде. Газеты пишут, у королевы-бабушки целая комната под коллекцию отдана.

Особо славятся куклы-невесты из мастерской госпожи Свон — Королевна, Купчиха и Крестьянка. Вот мама и придумала одеть меня в свадебный крестьянский наряд, чтобы стала точь-в-точь как та кукла: пшеничные локоны, синие глаза и стати здоровой сельской девки, подчеркнутые тугой шнурковкой и пышными юбками. Такой я, по воле богов и отцовской крови, уродилась на свет — хоть сейчас в витрину!

Заказчицы видят и ахают. Отцы и братья, увязавшиеся с ними, пускают слюни — и платят не скучая.

≈ Кира Калинина ≈

Вот и нынешний господин смотрит, будто лис на цыпленка, только не облизывается.

На благородного не похож, скорее купец или мануфактурщик. Насчет барышни с лёту не поймешь. Наряжена, как принцесса, но при деньгах это не диво. В движениях изящна, спину держит прямо, ступает, будто плывет, а прехорошенькая — не помню, когда еще таких видела.

В ней чувствовалась ланная кровь. И не капелька, как у иных, а полведра, не меньше. Кожа словно умыта солнцем, белки огромных бархатно-чайных глаз отливают синевой. Из-под шапочки выбился локон. Шоколадный, а не дегтярно-черный, как у чистокровных ланнов, но упругий, блестящий — и это в разгар зимы.

Повезло борову отхватить этакую красавицу. И с какой нужды на меня заглядывается?

Делать нечего. Пожелала доброго вечера, улыбнулась, присела заученным движением.

— Почтенные господа желают наряд к свадьбе? У нас в ателье шьются лучшие туалеты для самых разборчивых невест!

— Для самых, говоришь? — ухмыльнулся жених, сдвигая на затылок высокую шапку. — А для самых-самых?

— Особенно для самых-самых, почтенный господин.

— Зови меня кавалером, миличка.

Все-таки дворянин!

— Какое необычное платье, — голосок у барышни оказался, как хрустальный звоночек. — Панбархат поверх атласа? А это ирлунское кружево?

Она неделикатно помяла в пальчиках отделку подола.

— Не просто ирлунское, благородная госпожа. Такое сложное и тонкое плетение умеют создавать только в двух деревнях у озера Кальгер. Но должна предупредить, кальгерское кружево заметно дороже простого ирлунского.

— И что с того? — барышня, надув губки, обернулась к своему спутнику. — Батюшка, вы же купите мне это кальгерское кружево?

≈ Кошка Белого Графа ≈

Вот те на. Обычно я отцов с женихами не путаю! Но — батюшка? Дворянки так не говорят. В крайнем случае — папенька, и то если барышня росла в глухи. В Альготе нынче церемонии не в ходу.

— Конечно, деточка. Купим все, что пожелаешь.

Господин улыбнулся, однако в его глазах, бледных, как зимнее небо, не было тепла.

Он швырнулся на диван меховые рукавицы — на пальцах сверкнули перстни — и прошелся по залу, будто хозяин, оглядывая фикусы в ведрах, обернутых золотой тканью, и фигурки Свена и Свяны, развешанные в разных местах. Остановился перед грушевидной колбой лучезара на левом краю прилавка, заложил руки за спину. Колба из магически закаленного стекла сияла неярко, но в зале было светло как днем.

Барышня продолжала теребить и вертеть платье. Так и хотелось дать ей по рукам. Но я держала улыбку:

— Если вам нравится, благородная госпожа, мы можем сшить такое же по вашим меркам.

Платье и правда было из ряда вон. Пару идей мама подглядела у одной дамы из Эйлана — мода там более экстравагантная. Остальное додумала сама. Получился наряд, который привлекал внимание, демонстрируя фантазию модистки и мастерство швей.

Барышня задумчиво кивнула, разглядывая струящийся подол со сложными драпировками и разрезами, в которых виднелись слои других тканей.

Но господин хлопнул по ладони тростью:

— Платье для моей дочери должно быть единственным в своем роде!

С набалдашника трости скалилась звериная морда, не то волчья, не то собачья. Ей, видно, тоже платье по вкусу не пришлось.

И барышня сморщила носик:

— Вы правы, батюшка. Будет глупо, если у кого-то окажется такое же.

Я кожей ощутила, как она теряет интерес...

≈ Кира Калинина ≈

— Это новинка! Мы выставили его три дня назад. Если вы решите сделать заказ, сегодня же уберем. Заверяю, второго такого нет и не будет!

На самом деле платье стояло уже полгода. Все изумлялись, восхищались, но покупать не спешили. Слишком необычно, и фигура нужна идеальная, иначе будешь посмешищем.

Эта красавица не будет. Надо только ее удержать.

— Если заменить атлас на шармез, — я метнулась к прилавку, — получится еще лучше. Нам завезли изумительный шармез, позвольте, я покажу!

Только не умолкать. Говорить, говорить, что в голову взбредет...

Позади прилавка был стеллаж с тканями, на его боковой стенке — витой шнур, на шнуре — деревянная подвеска с фи́гурками Свена и Свяны.

Выручайте, родимые!..

Будто невзначай, я зацепила подвеску локтем — динь-динь, важные клиенты. Сдернула с полки штуку ткани и кинулась обратно к барышне.

Хвала Свяне, мама не стала медлить. И Майра вышла следом.

Не то чтобы я совсем не умела морочить головы заказчикам, но у сестры к этому талант. Она белому медведю зимой снег продаст.

— Благородную госпожу заинтересовало платье, которое мы закончили три дня назад, — отчиталась я.

Ни мама, ни Майра бровью не повели.

— Рада вас приветствовать, благородные господа, — пропела мама мелодичным грудным голосом. — Я хозяйка ателье, Гудрун Эльс.

— Кавалер Льет, — представился обладатель трости с собачьей головой. — Моей дочери Агде нужен первоклассный свадебный туалет. И чтоб ни у кого больше такого не водилось!

Его глаза с одобрением пробежались по маминой фигуре. Майру он едва удостоил взгляда. Как же — лицо пресное, сама доска доской.

≈ Кошка Белого Графа ≈

Но именно Майра решила дело. Как разлилась соловьем...

— Посмотрите, благородная госпожа, это редчайшая тибридская парча, вдвое тоньше и легче обычной, но не менее прочная и прекрасная. Кроме нас, никто в Свяенске ее не закупает, даже госпожа Принн, а у нее лучшие ткани в городе! Из-за метелей доставка задержалась, наши клиентки еще не знают, что ее привезли. Завтра набегут и завалят нас заказами до самого лета. Вы же понимаете, просто так мы ткани не продаем, у нас ателье, а не лавка красных товаров.

Никогда не могла понять, как ей это удается. Я чуточку приврала и уже чувствую себя мошенницей, а Майра сочинаят небылицы как дышит. И ей верят!

Барышня Агда Льет расстегнула шубку, не сводя с моей сестры горящих глаз.

— Вы уже видели наш новый шармез? Взгляните! — Майра встярхнула край винно-красного полотнища, которое я успела раскинуть на диване, и по гладкой поверхности прокатилась волна блеска. — Все наши ткани освещены в храме Свена и Свяны, как и нитки, которыми мы шьем. А все, чего касаются божественные супруги, приносит любовь и счастье!

Сестра определенно была в ударе. Ох, не слышат ее храмовые служители.

— Уверяю, вы станете самой прекрасной невестой, самой любимой и счастливой на свете женой!

При последних словах барышня Льет вдруг сникла, потупилась, и с ее губ сорвался тяжкий вздох.

Эгей, а свадьба-то похоже не по любви! Или жених — гулены, которого обручальный браслет не исправит?

Майра тотчас зашла с другой стороны:

— Это платье предвосхищает самые модные веяния будущего сезона. Скоро все в столице будут носить такое. А вы станете первой! В этом наряде вы затмите саму принцессу Вайнора.

Улыбка Агды, не успев расцвести, увяла вновь, уголки рта горестно опустились, пушистые ресницы задрожали.

≈ Кира Калинина ≈

Да что опять не так? Видно же, что барышня падка на лесть!

Не по нраву, что ее, красавицу из красавиц, сравнили с другой, пусть эта другая — настоящая принцесса? Досадно, что сама родилась лишь дочерью простого кавалера?

Я бы растерялась, а Майра продолжала напирать:

— Северянкам алый не к лицу, они слишком блеклые. Надень на девушку из Вайнора такое платье, и все увидят платье, а не девушку. А у вас красота южная, огненная, ее свадебный наряд только подчеркнет. Это платье просто создано для вас!

Я тихо отошла в сторонку, чтобы своим видом не опровергать доводы Майры.

Барышня посмотрела на нее, на манекен в свадебном уборе и вздернула нос:

— Беру!

В такие моменты я думаю, что ателье должна наследовать Майра. Правда, шить она не любит. Но летом приедет мамина троюродная племянница из Дункаля — учиться у нас полезному ремеслу. Вдруг из нее толк выйдет?

Мама позвала барышню в заднюю комнату, чтобы снять мерки, я двинулась следом — помогать. А Майра собралась подать кавалеру чай и занимать его разговорами, покуда мы не освободимся.

Так у нас было заведено.

Однако кавалер повелительно указал пальцем на меня:

— Пусть она подаст.

Что ж, кто платит, тот и чай заказывает.

Водовар в примерочной мы держали для клиентов, да и сами за работой любили угоститься чайком. Угли в жаровне были горячие, так что управилась я споро. Составила на поднос все, что полагается, не забыв колотый сахар, мед и пастилу, и вернулась в зал.

Кавалер Льет расселся на диване, положив рядом с собой шапку и расстегнув шубу. Под мехами он оказался совсем не толст, видимость полноты создавало обрюзгшее лицо, казавшееся еще шире из-за светлой вайнской бородки.

≈ Кошка Белого Графа ≈

Мед пах липой и летом, над чашкой вился парок. Я при-
двинула чайный столик к дивану и хотела отойти, но кава-
лер схватил меня за запястье:

— Сядь-ка, красавица.

— Что вы, нам не велено!

Пусть считает меня работницей, боящейся хозяйского гнева.

— Сядь, я сказал.

В тепле Льет успел вспотеть, его рука была горячей и влаж-
ной, но держала, будто тисками, так просто не вырвешься.
А бить заказчика сахарницей по лбу — дело неблагое.

Он стянул с пальца перстень с кровавым камнем. Неуже-
ли рубин? Какой большой!

— Нравится? Подарю, если поедешь со мной в Альготу.

Кавалер попытался вложить перстень мне в руку. Я вырва-
лась и вскочила, но от крепкого, до боли, щипка увернуться
не смогла.

— Ишь, коза! Грех такое богатство в глухи хоронить, —
глаза Льета плотоядно блеснули. — Поехали. Настоящей
дамой тебя сделаю. В шелках будешь ходить, во дворцах
танцевать, прислугу гонять в хвост и в гриву. А?

— Что вы такое говорите, кавалер! — напоказ ужаснулась
я. Руки чесались плеснуть кипятка в гнусную рожу. — Как
можно!

— Брось ломаться.

Он привстал с места, и я попятилась.

— Не хочешь? Ладно, неволить не буду. Но подумай хо-
рошенько. Мы в доме Снульва остановились, знаешь такой?
Пробудем до послезавтра. Надумаешь, приходи.

Остаток вечера мы спешно кроили и шивали муляж из
дешевого муслина. Завтра на барышне все подгоним; если
надо, подправим фасон. Получим задаток, и пусть катятся
в свою Альготу — гладкой им дороги, попутного ветра. А мы
по муляжу будем платье шить. Свадьба через месяц, успеем.